УДК 811.1

DOI 10.17516/2311-3499-013

ГЕНЫ, КОДЫ, ЯЗЫК И ЭКОЛОГИЯ: ЗАМЕТКИ ПО ПОВОДУ

А.В. Кравченко

В статье приводятся доводы против необоснованного расширения и использования метафоры как когнитивного инструмента в исследовании природы языка с междисциплинарных позиций. С одной стороны, такое исследование невозможно без внятного определения языка как объекта, чего традиционная лингвистика до сих пор не сделала, а с другой стороны, оно предполагает необходимость строгого определения понятий, заимствуемых лингвистами из других научных областей, таких как биология, генетика и экология. Несоблюдение этих условий, усугубленное небрежным отношением к источникам и вольной интерпретацией содержащихся в них положений, приводит к когнитивной несообразности получаемых лингвистами выводов, заводя в тупик логику научно-познавательного процесса. Примером такой несообразности является «лингвистическая генетика» с ее понятийным аппаратом, построенным вокруг тезиса об изоморфности «языкового кода» генетическому – в то время как понятийный аппарат самой генетики выстроен на основе «языковой метафоры жизни». У биологически ориентированной науки о языке большие перспективы, но разговор об экологии языка и других смежных понятиях надо вести, основательно разобравшись с исходными эпистемологическими установками.

Ключевые слова: язык; языковая среда; экология языка; биоморфная метафора; языковая метафора жизни; «языковые гены»; эпистемологическая ловушка.

GENES, CODES, LANGUAGE, AND ECOLOGY: SOME NOTES APROPOS

A.V. Kravchenko

Arguments are given against the unwarranted extension and use of the biomorphic metaphor as a cognitive tool in exploring language from an interdisciplinary perspective. On the one hand, such an exploration is impossible without a coherent definition of language as an object of study – something that traditional linguistics is still lacking, and on the other hand it implies the necessity to provide rigid definitions of the concepts borrowed from other areas of scientific research, such as biology, genetics, and ecology. Failure to meet these requirements, aggravated by the careless use of reference sources and loose interpretation of what these sources contain, results in cognitive incongruity of the inferences made on such a basis, creating a dead-end for the logic of research inquiry. An example of such an incongruity is 'linguistic genetics' with its conceptual apparatus built around the alleged isomorphism of the 'linguistic code' and genetic code, while the conceptual apparatus of genetics itself is built on the language metaphor of life. Biologically oriented language science has good prospects, but any discussion of language ecology and other related concepts should be based on clearly stated initial epistemological assumptions.

Keywords and phrases: language; linguistic environment; language ecology; biomorphic metaphor; language metaphor of life; 'language genes'; epistemological trap.

1. Введение

В четвертом номере журнала за 2017 г. была опубликована небольшая статья под названием «Об экологии языка в свете языкового учения Й.Л. Вайсгербера и У. Матураны» [Калинин 2017]. Заинтригованный названием – поскольку никогда раньше не слышал о «языковом учении Матураны» – и обещанием (в аннотации) рассмотреть на примерах индоевропейских языков «мутации и рекомбинации языковой среды» (поскольку, полагаясь на Х. де Фриза [Vries 1901–03],

я всегда считал, что мутация – это стойкое изменение генома как наследственного материала организма, и мне было любопытно узнать, где и как такой наследственный материал содержится в «языковой среде»), я с живым интересом прочитал статью и, увы, был разочарован, хотя совсем не удивлен. Разочарован тем, что автор обманул мои ожидания, а не удивлен потому, что на иное, честно говоря, и не рассчитывал. Данная статья – поучительный пример того, чего не нужно делать и о чем не нужно забывать, рассуждая о языке – особенно лингвисту. Мои «заметки по поводу», оставляя в стороне «языковое учение Матураны» (его известная статья «Биология языка: эпистемология реальности» начинается словами: «Я не лингвист, я – биолог. Поэтому я буду говорить о языке как биолог» [Maturana 1978: 28]), касаются нескольких проблемных областей, связанных с метафорой как когнитивным инструментом, который может быть не только полезен, но и опасен, заводя нас в эпистемологическую ловушку языка (подробнее об этой ловушке см.: [Кравченко 2016a]) и заставляя, выражаясь фигурально, искать черную кошку в темной комнате, когда ее там попросту нет.

2. О чем не должен забывать лингвист

За несколько десятилетий, прошедших с момента выхода известной книги Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [Lakoff&Johnson 1980], заявленный в ней тезис стал настолько банальным и бесспорным, что мы перестали придавать ему сколько-нибудь серьезное значение. Да, язык, на котором мы говорим, насквозь метафоричен, это та данность, с которой мы ничего, по большому счету, не можем поделать, и мы все это прекрасно понимаем – так стоит ли на этом заикливаться? Возможно, обычному нормальному человеку и не стоит. А как насчет лингвистов, языковедов, филологов и прочего ученого люда, чья профессиональная деятельность состоит в том, чтобы изучать, описывать и объяснять язык, преследуя благородную цель приближения к истине, «которая рядом», но никак не хочет «открыть личико»? Мне кажется, человек, серьезно занятый поиском ответов на вопросы, связанные с природой и функцией языка как *специфического вида социальных взаимодействий ориентирующего характера* (подробнее см.: [Кравченко 2013]), без и вне которых трудно представить саму возможность существования и развития вида *homo sapiens* как в онто-, так и филогенезе, ни на минуту не должен забывать о том, чем мы живем, находясь в потоке этих взаимодействий. Речь, конечно же, о тех самых метафорах.

Суть всякой метафоры – подведение чего-то нового, непознанного и потому не названного, под уже известное и поименованное. Это естественно, если исходить из истинности посылки о том, что все познается в сравнении. Основой для сравнения всегда выступает что-то очень хорошо знакомое и потому привычное, а привычка, как известно – вторая натура. Индивидуальные же привычки человека говорящего во многом определяются особенностями общественной практики, на каждом этапе развития задающей свою систему привычных понятий и ориентиров. На разных исторических ступенях общественного производства преобладающая форма хозяйствования (охота и собирательство, огородничество, скотоводство, земледелие, ремесленное производство, промышленность), а также войны и путешествия, т. е. то, от чего зависела каждодневная жизнь людей, задавали системы ориентиров и точек отсчета, которые и служили инструментом познания нового через его метафорическое осмысление. Отсюда – такие парадигмальные метафоры, как, например, сельскохозяйственная, военная, путевая или индустриальная (а сегодня уже и постиндустриальная, или компьютерно-информационная), оказавшие заметное влияние на современный язык. И это – нормальный путь развития языка именно как особой области социальных взаимодействий: изменение общего характера этих взаимодействий (при этом уже не только преобладающей формы хозяйствования или способа производства, но и взаимодействий вне собственно хозяйственной сферы, например, в политике, спорте, искусстве и т. п.) ведет к изменению парадигмальной метафоры, и на смену, например, сельскохозяйственной и ремесленной приходит индустриальная, а за ней и пост-индустриальная метафора, вытесняющая своих предшественниц в ту область, которую лингвисты называют областью фразеологии.

Современное развитие общественного производства во многом зависит от достижений науки, которая начинает служить мощным источником новых метафор, в том числе и для

относительно новых научных областей, в зависимости от того, насколько впечатляющим является ее влияние на те или иные – как правило, материальные – стороны общественного прогресса. Так, оформление в XIX в. эволюционной биологии и то влияние, которое учение Дарвина оказало на научную общественность, привели к внедрению биоморфной метафоры в понятийный аппарат языкознания («язык – это живой организм»), чему в немалой степени способствовал Август Шлейхер, много сделавший для ее популяризации. Несмотря на то, что натуралистическое направление в языкознании на сегодняшний день можно рассматривать всего лишь как исторический этап в развитии науки о языке, такие понятия, как *языковые семьи и родственные связи языков, молодые, старые и мертвые языки, праязык, жизнь языка, филогенез речи, эволюция языка* и т. п., стали неотъемлемой частью метаязыка современной лингвистики. Однако утверждать, что язык «эволюционирует по биологическим законам» [Калинин 2017: 2], не определив своего отношения к языку как объекту, т. е. не дав ему внятного определения (то ли это структурированная знаковая система, служащая средством коммуникации, то ли живой саморазвивающийся организм, относящийся к такому-то отряду, то ли социально координированные взаимодействия ориентирующего характера) – значит не понимать сути метафоры как когнитивного инструмента, используемого *argopos*.

Если говорить о лингвистике как самостоятельной отрасли знания, каковой ее видел Соссюр, то ее развитие в течение XX в. проходило под флагом структурализма, и формирование системы лингвистических понятий и соответствующей терминосистемы во многом испытало влияние современной химии, стремительно и успешно развивавшейся с конца XIX в. В метаязык лингвистики прочно вошли такие термины, как *валентность, валентные связи, атомарность значения, композиционность / сложность структуры* и под. Означает ли это, что язык – вещество, состоящее из молекул (которые, в свою очередь, состоят из атомов определенного удельного веса), способное в результате химических реакций превращаться в другое вещество? Наверное, нет. Так же, как и человек, про которого говорят: «Он – хитрый лис», продолжает оставаться человеком, не превращаясь каким-то непостижимым образом в представителя семейства псовых. И лингвист, рассуждающий о языке и использующий при этом ту или иную метафору, не должен забывать, что метафора – это не магическое заклинание, посредством которого происходит превращение одной сущности в другую. Это всего лишь инструмент познания – не совсем совершенный, но очень удобный. Но как-то так получается, что лингвисты об этом забывают, и довольно часто.

Забывают они и еще об одном – о необходимости быть точным при обращении к источникам и авторитетам и тому, что авторитеты на самом деле говорили, а также о требовании аккуратного обращения с понятиями, чтобы у читателя не возникало желания вспомнить известный афоризм Козьмы Пруткина: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Хотя в названии рассматриваемой статьи упоминаются Матурана и Вайсгербер, в содержательном плане статья не сообщает читателю, в чем, например, суть теории Матураны или в чем состоит учение Вайсгербера и что между ними общего. Но дело даже не в этом, а в том, что в самом первом абзаце, говоря о биологии познания Матураны [Maturana 1970], ссылка на которую – как и необходимая, казалось бы, ссылка на «Биологию языка» – в статье отсутствует, автор приписывает Матуране мысль о том, что познающая система образует «экологическое единство со средой, в которой находится» (с. 2). Однако ни в первой, ни во второй работе (впрочем, как и во многих последующих публикациях) Матурана нигде не прибегает к понятиям «экология», «экологический» и под. На следующей странице автор утверждает: «Из языковой теории У. Матураны известно, что все языковые структуры представляют собой результат координации координаций взаимодействия живых организмов в потоке жизнедеятельности [Maturana 2008: 19–20]». Ссылка на Матурану создает видимость достоверности данного положения, однако это совсем не так, и автор весьма вольно интерпретирует то, что на самом деле

можно прочитать на указанных страницах (не говоря уже о пресловутой «языковой теории» Матураны):

«...Язык является нам (occurs) как языковая деятельность (language), в потоке нашей совместной жизнедеятельности (life) в рекурсивных консенсуальных координациях поведения (doings). Язык обладает конкретностью поведения в области поведения, в которой мы координируем наше поведение. Предметы, сущности, понятия, идеи, концепты и т. п. возникают как (arise as) координации координаций поведения и в другом виде не существуют. Значения слов, предложений, знаков и символов не в словах, но в потоке координаций поведения, которые они координируют. И слово может иметь столько различных значений, сколько есть различных потоков рекурсивных координаций поведения, в которых оно участвует» (ср. с известным определением значения слова как его употребления у Витгенштейна).

Разница между выражениями «представляют собой результат координации» и «возникают как координации» весьма существенная, не говоря уже о том, что Матурана не ведет речи о «языковых структурах», так как он не лингвист, а биолог.

Аналогичным, я бы сказал, неряшливым, образом на основе Вайсгерберовского определения человека как «языкового организма» формулируется тезис о том, что «для его оптимального существования важно как состояние внешней среды, так и состояние языковой среды» [Там же], при этом остается неясным, что понимается под языковой средой и как она соотносится с «внешней» средой. Логика текста заставляет понимать языковую среду как «внутреннюю» (коль скоро она противопоставляется «внешней»), но что и внутри чего в таком случае находится? Ответа читатель не находит.

3. Гены, коды и язык: как не попасть в эпистемологическую ловушку

Учитывая выбранный автором способ аргументации (приписывание разным ученым того, чего они не говорили и о чем не писали), читатель уже не удивляется очень быстрому переходу к теме кода как отличительного функционального свойства языка, с одной стороны, и генома, с другой: ведь язык, согласно автору – «саморегулирующаяся и саморазвивающаяся система» (с. 6), т. е. живой организм, значит, он способен сохранять и передавать наследственный материал и делает это с помощью «языковых генов». Далее, с опорой на «лингвистическую генетику» М.М. Маковского [1992], который «описал генетическую структуру языка», приводятся примеры «эволюции генетической структуры слов» и делается вывод, что «порча языка в ближайшее время русскому языку не грозит» и «за счет процессов самоорганизации языковой системы и языкового материала ... «ненужные» заимствования уйдут на языковую периферию» (с. 6). Подкрепляется этот прогноз ссылкой на интервью с Е.К. Ромодановской, в котором она говорит: «...Язык – это очень мощная саморегулируемая система, и, чтобы сломать ее, необходимы поистине титанические усилия государства по обескультуриванию своего народа» (с. 7). (Замечу, между прочим, что после развала Советского Союза то, что называлось в 1990–2000 годы государством, именно этим – обескультуриванием своего народа – и занималось, причем весьма усиленно; достаточно вспомнить в качестве примера регулярно звучавшую на «Радио России» так называемую социальную рекламу: «Если ты такой умный, то почему такой бедный?»).

Несмотря на небольшой объем, статья вызывает большое количество вопросов, некоторые из которых я и попытаюсь задать. Но сначала обобщим, в виде тезисов, то, как автор видит и понимает язык (жирным шрифтом выделены проблемные места).

1. Человек – это живой организм (познающая, в смысле когнитивная, система, по Матуране), а точнее, **языковой организм** (по Вайсгерберу).

2. Человека окружает два вида среды: **внешняя и языковая**, и от **оптимального состояния** языковой среды зависит бытие человека в ней.

3. Языковая среда (стихия) включает в себя условия (**факторы**, в которых существует данная языковая общность) и ресурсы (**языковой потенциал** каждого отдельного языкового организма или языкового сообщества в целом).

4. Язык эволюционирует по **биологическим законам**, поскольку **языковой кодизоморфен генетическому коду; язык имеет генетическую структуру**.

5. Существуют **языковые гены** – минимальные носители **морфонологического и семантико-семиотического значения**; они являются **результатами** процесса координации координаций взаимодействий между языковыми организмами. (Что такое «морфонологическое» значение лично для меня остается загадкой, а вот если *семантико-семиотическое значение* перевести на простой русский язык, у нас получится *значимостно-знаковое* (или *смысло-знаковое*) значение. Мне кажется, комментарии здесь излишни.)

6. **Слова имеют генетическую структуру**; они могут **мутировать**, повышая **экологическое разнообразие языковой среды** в случае «полезных» мутаций, неудачные же мутации с течением времени исчезают.

7. **Языки могут мутировать** со временем. Это может происходить под воздействием как внутренних факторов (генетическая структура языка), так и внешних (напр., при скрещении языков), а также за счет некоторых экстралингвистических факторов.

Итак, перед нами – попытка подкрепить обоснованность и, как считает автор, «продуктивность» биоморфной метафоры «язык – это живой организм» с помощью дополнительной, «генетической» метафоры – ведь генетика изучает фундаментальные механизмы наследственности и изменчивости живых организмов. А поскольку живые организмы образуют со средой обитания единую систему (см. [Järvillehto 1998]), естественным образом возникает повод присовокупить сюда же и экологию, говоря об «экологии языка» (об этом мы еще поговорим). Давайте посмотрим, какая получается картина при попытке расширить метафору «язык – это живой организм».

В биологической систематике живые организмы делятся на животных, растения и микроорганизмы (невидимые невооруженному глазу). Отбросив микроорганизмы по очевидной причине, мы должны решить, имеем ли мы в виду животное или растение, когда говорим, что язык – это живой организм. Даже если допустить, что «язык-как-организм» подразумевает животное, а не растение, неплохо было бы узнать о критериях, на основе которых принимается подобное решение. Допустим, однако, что язык – это животный организм (пусть даже метафорически); тогда сразу возникает вопрос о человеке как «языковом организме»: как следует понимать подобную дефиницию? Что животные «язык» и «человек» существуют совместно, в симбиозе? Но симбиоз бывает разным – мутуализм, комменсализм, паразитизм, кооперация, эндосимбиоз. Хотелось бы разобраться, в какого рода симбиозе находятся человек и язык, если такой симбиоз действительно имеет место. Однако здесь мы сталкиваемся с затруднением в виде понятия языковой среды (она же стихия), от «оптимального состояния» которой зависит «оптимальное бытие человека» (об отсутствии каких-либо намеков на то, что и на каком основании можно считать «оптимальным», я промолчу). Отмечу, что «языковой организм» – это не то же самое, что «языковая среда», а «языковая среда» – не то же самое, что «внешняя среда»; при этом «языковая среда» включает в себя «факторы, в которых существует данная языковая общность» и «языковой потенциал каждого отдельного языкового организма или языкового сообщества в целом».

Во-первых, с точки зрения русского языка, «в факторах», какими бы они ни были, «существовать» нельзя, поскольку слово *фактор* означает ‘причина, движущая сила (процесса)’. Во-вторых, читателю не разъясняют, что такое «языковой потенциал» (совокупность всех имеющихся средств чего?) и чем «языковой потенциал отдельного организма» отличается от «языкового потенциала языкового сообщества». Можно предположить, что речь идет о совокупности того, что традиционно называют «языковыми средствами» (индивида и общества, соответственно), но тогда надо объяснить, что такое «языковые средства» и как они соотносятся с понятием «языковая среда», с одной стороны, и понятием «язык-как-организм», с другой. В общем, что именно автор подразумевает под «языковой средой», остается лишь догадываться.

Особый интерес представляет тезис об изоморфности языкового кода коду генетическому. Понятие языкового кода используется в современной социолингвистике как разделе структуралистского учения о языке: согласно этому учению, лингвистика должна изучать язык в себе и для себя в его синхроническом аспекте, как систему произвольных знаков с заключенными в них значениями. Отсюда – прямой путь к признанию такой системы кодом, который используется людьми как средство общения, т. е. в инструментальной функции (поэтому принято говорить об инструментальной метафоре в лингвистике).

Несостоятельность кодовой модели языка давно и убедительно показана в обширной литературе, посвященной этому вопросу, поэтому я на ней не буду останавливаться, отослав к своей статье на эту тему [Kravchenko 2007]. В контексте рассматриваемых проблем интерес представляет место понятия «языковой код» в системе понятий, порождаемых биоморфной метафорой. Другими словами, что выступает в роли референта выражения *языковой код*? Сам язык или его какое-то особенное свойство? Первое невозможно, поскольку язык – это «живой организм», а организм кодом быть не может. Значит, это его какое-то свойство, но какое и в чем оно заключается? Оказывается, это способность «языковых генов» как «минимальных носителей значения» определять «семиотическую жизнь» слова, его биологию и экологию, включая возможность его мутаций.

Итак, перед нами еще один «живой организм» в дополнение к языку: слово. Оба эти «организма» имеют «генетическую структуру», развиваются по биологическим законам и способны к мутациям, которые могут быть полезными или неудачными. И снова возникают те же вопросы. Как соотносятся «организм слова» и «организм языка»? Можно ли считать, что «организм языка» как система состоит из множества «организмов слова» и, если это так, каков принцип организации этой системы? Как определяется «полезность» или «неудачность» мутаций, якобы претерпеваемых «языком-как-организмом» и «словом-как-организмом», и что является конечным продуктом таких мутаций?

Понятие генетической структуры заимствовано из популяционной генетики: это характеристика популяции, построенная на основе распределения признаков, кодируемых генетически. Но что выступает в роли популяции в случае языка и в случае слова, если популяция – это совокупность особей одного вида, обладающих общим генофондом? Допустим, что генетическая структура «языка-как-организма», относящегося к определенному виду (например, индоевропейские языки) является характеристикой популяции «слов-как-организмов» (собственно говоря, именно такой подход находим у Маковского [Маковский 1992: 12 и сл.], который рассматривает изоморфизм генетических и языковых закономерностей на уровне лексико-семантических единиц и семасиологических преобразований); в таком случае, характеристикой популяции каких особей («живых организмов») является «генетическая структура» слова? По логике автора, это популяция «языковых генов». Однако в генетике под геном понимается структурная и функциональная единица наследственности живых организмов (участок ДНК), т. е. ген не является организмом. Как видим, последовательное развитие генной метафоры применительно к языку заводит нас в тупик, чего и следовало ожидать.

Наконец, самое интересное. Когда в середине прошлого века была открыта структура ДНК, в социальных и гуманитарных науках уже воцарился структурализм с парадигмальным эталоном в виде структурной лингвистики, сосредоточенной на формальном строении и организации языка в целом, а в биологии широко использовалась «языковая метафора жизни». Поэтому, когда генетикам потребовалось описать организационный принцип последовательности аминокислотных остатков в составе белков при помощи последовательности нуклеотидов в составе нуклеиновой кислоты – что, собственно говоря, и определяет строение белка и все его биологические свойства, – они взяли на вооружение предложенную Р. Якобсоном метафору «ДНК – это язык» (см. [Cowley, Markoŭ 2018]), за которой тут же последовала метафора «геном – это текст», поскольку в структуре ДНК генетики увидели явную аналогию со структурой предложения (единицей текста), как она описывается и анализируется в структурализме. Об этом

прямо говорится в статье Т.В. Гамкрелидзе [Гамкрелидзе 1988: 5], на которую ссылается С.С. Калинин:

«Подобно тому, как фраза является сегментом определенного языкового текста, составленного с помощью линейной последовательности небольшого числа исходных дискретных единиц, – букв или фонем, – так отдельный ген соответствует определенному сегменту в длинной цепи нуклеиновых кислот, представляющих собой четыре исходных химических радикала. Подобно тому, как в лингвистическом коде исходные единицы (фонемы) сами по себе лишены смысла, но служат для составления с помощью определенных комбинаций минимальных их последовательностей, выражающих уже определенное содержание в пределах данной системы, точно так же в генетическом коде информативен не отдельный элемент системы, не отдельный химический радикал, а особые комбинации этих исходных четырех нуклеотидов по три элемента, создающие так называемые «триплеты».

Как считают авторы Интернет-ресурса «Эксперт Online», поддерживаемого журналом «Русский репортер», метафора «геном – это текст» входит в 10 главных метафор науки, а образ, который она создает – это книга, которую пишут, издают и читают: «Читал геном, много думал...» (подробнее см. на сайте: http://expert.ru/russian_reporter/2012/18/10-glavnyih-metafor-nauki/). Итак, что же получается? Оказавшись перед необходимостью описать и охарактеризовать то новое, что открылось в результате генетических исследований, ученые-генетики прибегли к помощи метафоры как когнитивного инструмента, позаимствовав у лингвистов понятие текста как кода. Винить их за это, наверное, не стоит, но не стоит и забывать, что текст как культурный артефакт и естественный язык – явления разной онтологии [Кравченко 2008]. Характерное для лингвистического структурализма (и не только для него) отождествление языка с текстом не имеет под собой научного основания и вытекает из письменно-языковой предвзятости лингвистики (см. [Линелл 2009, 2013]), когда лингвисты, изучая тексты, настаивают на том, что изучают естественный язык. Но важно даже не это, а то, что лингвисты, говорящие об изоморфизме «языкового кода» «генетическому коду», сами того не замечая, попадают в эпистемологическую ловушку языка: ведь система связанных с геномом понятий обычно описывается (для наглядности и простоты) в лингвистических терминах, т. е. эта система описания (нуклеотиды – буквы, кодоны – слова, гены – фразы, а ДНК – текст) уже сама по себе **основана на языковой метафоре** и не может служить когнитивным инструментом в объяснении и описании того, что из себя представляет и как устроен язык. А если еще учесть, что язык (координации координаций взаимодействий организмов как структурно детерминированных систем, по Матуране) кодом не является по определению и что современная биология отнюдь не переоценивает значение генома в эволюционном развитии организмов (см., напр.: [Sharov, Maran, Tønnessen 2015]), возникает вполне обоснованное сомнение в эмпирической ценности метафоры «геном – это текст». Но это, как говорится, тема отдельного разговора.

4. И снова об «экологии языка»

Поскольку значение слова – в его употреблении, мы привыкаем к тому, что слова, изначально являющиеся научными терминами с вполне определенным значением, начинают употребляться в переносном (переосмысленном) значении. Так, слово *онкология*, обозначающее раздел медицины (изучение и лечение доброкачественных и злокачественных опухолей), в речи обывателя начинает означать само заболевание, а слово *экология*, обозначающее науку о взаимодействиях живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой, приобретает узуальное значение «экологическая ситуация». Когда чиновник из городской администрации говорит, что в городе плохая экология, мы понимаем, что речь идет не о науке под названием «экология», а о неблагоприятной экологической ситуации, вызванной загрязнением окружающей человека среды, при этом под «средой» разные люди могут понимать разные вещи – для кого-то это отравляемая вредными выбросами воздушная среда, для кого-то – раздражающая взгляд среда навязчивых листовок и объявлений, которыми обклеены все стены зданий, заборы и

фонарные столбы, а для кого-то – стаи бродячих собак, рыскающие по городским помойкам и периодически нападающие на людей.

Экология как наука включает в себя множество более частных дисциплин, таких как социальная экология, экология человека (соболя, леса и т. п.), экология водоемов, горных систем и т. п., при этом везде в центре внимания находится взаимодействие живых организмов и их сообществ между собой и с окружающей средой. В анализируемой статье мы встречаем следующий ряд понятий: «экология языка», «экология слова», «экологическое разнообразие языковой среды», «экологическое разнообразие языка» и «экологическое разнообразие индоевропейских языков» [Калинин 2017: 3–5]. Поскольку для автора язык и слово – живые организмы, мотивировка понятий «экология языка» и «экология слова» ясна, хотя и остается проблема с определением среды, в которой существуют язык или слово. Сложнее с парой понятий «экологическое разнообразие языковой среды» и «экологическое разнообразие языка». В экологии под экологическим разнообразием понимается соотношение между числом видов и численностью особей одного вида в **экосистеме** как функциональном единстве живых организмов и среды их обитания. Если «экологическое разнообразие языковой среды» интерпретировать в том смысле, что язык представляет собой экосистему, в которой существуют слова-как-организмы (а другой возможной интерпретации я здесь не вижу), тогда что выступает в роли среды их обитания? С другой стороны, если «экологическое разнообразие языка» понимать как разнообразие «языковых видов», каждый из которых (например, индоевропейские языки) включает в себя некоторое количество особей (конкретных отдельных языков), то что в таком случае выступает в роли экосистемы для этих «видов», т. е. что представляет собой среда их обитания? Ответов на подобные вопросы С.С. Калинин не дает.

Высказанные выше соображения можно было бы дополнить разбором центрального понятия – «экология языка»; однако, дабы не утомлять читателя, я этого делать не буду, а приведу лишь выдержку из заключительной части статьи, специально посвященной этому вопросу [Кравченко 2014: 96]: «Под экологией языка понимается его **биокогнитивная функция поддержания общества как живой системы в единстве ее когнитивных (ориентирующих языковых) взаимодействий**. Такой подход позволяет глубже понять влияние общественной языковой практики на характер и особенности онто- и филогенеза человека разумного, включая формирование системы ценностных ориентиров и экзистенциальных траекторий на уровне индивида и общества».

5. Заключительные замечания

Если бы автор статьи в самом начале указал на то общее, что сближает подходы к языку Матураны и Вайсгербера, это помогло бы ему определить общую перспективу при подходе к языку с экологических позиций. Для биолога Матураны язык – это прежде всего особый, характерный для человека вид деятельности (*language*), порождающей реляционную область взаимодействий в когнитивной области, в ходе которых происходит очень много интересного и важного для понимания того, что же такое человек как живая (когнитивная) система. Но и для Вайсгербера понятия «действительность» и «действовать» неразделимы по отношению к языку, ср.:

«Действенно нечто, от чего исходят воздействия, а действенность следует признать за всяким подобным источником воздействий, даже если он не предметен... И эта действенность языка данного народа имеется нами в виду, когда мы признаем за языком бытие и существование и когда мы непременно отвергаем ту точку зрения, которая считает язык как культурное достояние простой абстракцией» [Вайсгербер 1993: 63–64].

Языковые взаимодействия, определяющие и поддерживающие когнитивную нишу человеческого общества как живой системы (см. [Кравченко 2016б; Kravchenko 2016]), являются **важнейшим экологическим фактором**, влияющим на эволюционное развитие человека. Подход к языку с этих позиций поможет кардинальным образом переосмыслить багаж «знаний» о языке, который продолжает нести – в том числе в массы, через образовательные институты –

подавляющая часть лингвистического сообщества, давно ставшего традиционным в отрицательном смысле слова (см. [Кравченко 2009]). У биологически ориентированной науки о языке – большие перспективы, и хорошо продуманный, взвешенный разговор об экологии языка сегодня необходим как никогда. Но делать это надо не наскоком, а основательно разобравшись с исходными эпистемологическими установками обновленной науки о языке – в чем мне видится несомненно важная роль журнала «Экология языка и коммуникативная практика».

Литература

Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем., общ. ред. и комм. О.А. Радченко. М.: Изд-во МГУ, 1993. 223 с.

Гамкрелидзе Т.В. Р.О. Якобсон и проблемы изоморфизма между генетическим кодом и семиотическими системами // Вопросы языкознания. 1988. № 3. С. 5–9.

Калинин С.С. Об экологии языка в свете языкового учения Й.Л. Вайсгербера и У. Матураны [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2017. № 4. С. 1–8. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/12/Kalinin-S.S.-.pdf> (дата обращения: 28.04.2018).

Кравченко А.В. Эпистемологическая ловушка языка // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016а. № 3(41). С. 14–26.

Кравченко А.В. О вреде структурализма для здоровья общества: язык как экологическая ниша человека [Электронный ресурс] // Экология языка и коммуникативная практика. 2016б. № 1. С. 354–370. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kravchenko-A.V..pdf> (дата обращения: 28.04.2018).

Кравченко А.В. Два взгляда на экологию языка и экологическую лингвистику // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 90–99. URL: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kravchenko-A.V..pdf> (дата обращения: 28.04.2018).

Кравченко А.В. Биологическая реальность языка // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. № 1. С. 55–63.

Кравченко А.В. О традициях, языкознании и когнитивном подходе // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 51–65.

Кравченко А.В. Речь и письмо как разные когнитивные области // Общетеоретические и типологические проблемы языкознания. Бийск: Изд-во БПГУ им. В.М. Шукшина, 2008. С. 133–139.

Линелл П. Письменная языковая предвзятость лингвистики как научной отрасли // Наука о языке в изменяющейся парадигме знания (Studia linguistic cognitiva. Вып. 2). Иркутск: Изд. БГУЭП, 2009. С. 153–191.

Линелл П. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменно-языковой предвзятостью) vs. диалогическая лингвистика // Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях (Studia linguistic cognitiva. Вып. 3). М.: Флинта; Наука, 2013. С. 41–57.

Маковский М.М. Лингвистическая генетика: Проблемы онтогенеза слова в индоевропейских языках. М.: Наука, 1992. 189 с.

Cowley S.J., Markoš A. Evolution, lineages and human language // Language Sciences (2018, in press). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2018.03.005>

Järvilehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory // Integrative Physiological and Behavioral Science. 1998. № 33. p. 317–330.

Kravchenko A.V. Language as human ecology: a new agenda for linguistic education // New Ideas in Psychology. 2016. № 42. p. 14–20.

Kravchenko A.V. Essential properties of language, or, why language is not a code // Language Sciences. 2007. Vol. 29. № (5). p. 650–671.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1980. XIII, 242 p.

Maturana H.R. *Biology of Cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970. 27 p.

Maturana H.R. *Biology of language: The epistemology of reality* // G. Miller and E. Lenneberg (eds.). *Psychology and Biology of Language and Thought*. New York: Academic Press, 1978. p. 28–62.

Sharov A., Maran T., Tønnessen M. *Towards synthesis of biology and semiotics* // *Biosemiotics*. 2015. Vol. 8(1). p.1–7.

Vries H. de. *Die Mutationstheorie. Versuche und Beobachtungen über die Entstehung von Arten im Pflanzenreich*. Leipzig: Veit & Comp., 1901. 143 p.

References

Weisgerber L. *Muttersprache und Geistesbildung*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1929. 170 p.

Gamkrelidze T.V. R.O. Jakobson i problem izomorfizma mezhdu geneticheskim kodom i semioticheskimi systemami [R.O. Jakobson and the problems of isomorphism between the genetic code and semiotic systems]. *Voprosy jazykoznanija* [Issue in linguistics], 1988, no 3, p. 5–9.

Kalinin S.S. Ob èkologii jazyka v svete jazykovogo uchenija J. L. Weisgerber and H. Maturana [On language ecology in the light of the linguistic teachings of J.L. Weisgerber and H. Maturana]. *Èkologija jazyka i kommunikativnaja praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2017, no 4, p. 1–8. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2017/12/Kalinin-S.S.-pdf> (accessed 28.04.2018).

Kravchenko A.V. Èpistemologicheskaja lovushka jazyka [The epistemological trap of language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologija* [Bulletin of Tomsk State University. Philology], 2016a, no 3(41), p.14–26.

Kravchenko A.V. O vrede strukturalizma dlja zdorovja obshchestva: jazyk kak èkologicheskaja nisha cheloveka [On how structuralism can harm the well-being of society: language as an ecological niche of humans]. *Èkologija jazyka i kommunikativnaja praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2016b, no 1, p. 354–370. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2016/05/Kravchenko-A.V..pdf> (accessed 28.04.2018).

Kravchenko A.V. Dva vzgljada na èkologiju jazyka i èkologicheskiju lingvistiku [Two views on language ecology and ecolinguistics]. *Èkologija jazyka i kommunikativnaja praktika* [Ecology of language and communicative practice], 2014, no 2, p. 90–99. Available at: <http://ecoling.sfu-kras.ru/wp-content/uploads/2014/09/Kravchenko-A.V..pdf> (accessed 28.04.2018).

Kravchenko A.V. Biologicheskaja realnost jazyka [The biological reality of language]. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki* [incognitive linguistics], 2013, no 1, p. 55–63.

Kravchenko A.V. O traditsijakh, jazykoznanii i kognitivnom podkhode [On traditions, linguistics, and the cognitive approach]. *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Traditsii i novatorstvo* [The horizons of contemporary linguistics: Tradition and innovation]. Moscow, Jazyki slavjanskikh kultur Publ., 2009, p. 51–65.

Kravchenko A.V. Rech i pismo kak raznye kognitivnye oblasti [Speech and writing as different cognitive domains]. *Obshcheteoreticheskie i tipologicheskie problem jazykoznanija* [General-theoretic and typological issues in linguistics]. Bijsk, Shukshin BPGU Publ., 2008, p. 133–139.

Linell P. Pismennojazykovaja predvzjatost lingvistiki kak nauchnoj oblasti [The written-language bias of linguistics as a science]. *Nauka o jazyke v izmenjajushchejsja paradigm znaniya* [Language sciences in the changing knowledge paradigm] / ed. by A.V. Kravchenko (Studia linguistic cognitiva, vol. 2). Irkutsk, Baikal University Publ., 2009, p. 153–191.

Linell P. Dva vzgljada na prirodu jazyka: formalnaja lingvistika (s ejo pismenno-jazykovoj predvzjatostju) vs. dialogicheskaja lingvistika [Two views on the nature of language: formal linguistics (with its written-language bias) vs. dialogical linguistics]. *Kognitivnaja dinamika v jazykovykh*

vzaimodejstvijakh [Cognitive dynamics in linguistic interactions] / ed. by A.V. Kravchenko (Studia linguistica cognitiva, vol. 3). Moscow, Flinta; Nauka Publ., 2013, p. 41–57.

Makovsky M.M. *Lingvisticheskaja genetika: Problemy ontogeneza slova v indoevropskikh jazykakh [Linguistic genetics: The issue of word ontogenesis in Indo-European languages]*. Moscow, Nauka, 1992, 189 p.

Cowley S.J., Markoš A. Evolution, lineages and human language. *Language Sciences*, 2018 (in press). DOI: <https://doi.org/10.1016/j.langsci.2018.03.005>

Järvilehto T. The theory of the organism-environment system: I. Description of the theory. *Integrative Physiological and Behavioral Science*, 1998, no 33, p. 317–330.

Kravchenko A.V. Language as human ecology: a new agenda for linguistic education. *New Ideas in Psychology*, 2016, no 42, p. 14–20.

Kravchenko A.V. Essential properties of language, or, why language is not a code. *Language Sciences*, 2007, vol. 29, no (5), p. 650–671.

Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago & London: The University of Chicago Press, 1980, XIII, 242 p.

Maturana H.R. *Biology of Cognition*. BCL Report # 9.0. University of Illinois, Urbana, 1970. 27 p.

Maturana H.R. Biology of language: The epistemology of reality. *G. Miller and E. Lenneberg (eds.). Psychology and Biology of Language and Thought*. New York, Academic Press, 1978, p. 28–62.

Sharov A., Maran T., Tønnessen M. Towards synthesis of biology and semiotics. *Biosemitotics*, 2015, vol. 8(1), p.1–7.

Vries H. de. *Die Mutationstheorie. Versuche und Beobachtungen über die Entstehung von Arten im Pflanzenreich*. Leipzig, Veit&comp., 1901. 143 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ:

Кравченко Александр Владимирович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры английской филологии.

Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации, Иркутский государственный университет.

Россия, 664025, Иркутск, ул. Ленина, 8

E-mail: sashakr@hotmail.com

ABOUT THE AUTHOR:

Kravchenko Alexander V., Full professor, English Philology.

Institute of Philology, Foreign Languages and Media-Communication, Irkutsk State University.

8 Lenin St., Irkutsk 664025 Russia

E-mail: sashakr@hotmail.com